

УДК 902; 94 (47)
DOI: 10.17223/19988613/67/10

Н.С. Цинцадзе

ПРИРОДА НА СЛУЖБЕ У СОЦИАЛИЗМА: СОЦИОЕСТЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В 1917–1939 гг.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 17-78-10032.

Рассмотрены социоприродные аспекты деятельности Наркомзема в довоенный период: восстановление сельского, лесного и водного хозяйства страны, обсуждение причин и последствий засух, мер борьбы с ними. Делается вывод о том, что мелиоративные и агрокультурные мероприятия наркомата были ответной реакцией на периодически обострявшийся экологический кризис в аграрной сфере. В 1930-е гг. природовосстановление сменилось природопокорением, что закрепило потребительское отношение к природным ресурсам.

Ключевые слова: Народный комиссариат земледелия РСФСР / СССР; природопользование; советская довоенная деревня; социоприродные проблемы; экологическая история России.

Введение

История формирования и функционирования советского центрального аппарата управления хорошо изучена как в России, так и за рубежом. Для своих целей большевики использовали государственные учреждения, доставшиеся им в наследство от Российской империи. Демонтаж аппарата управления был постепенным, с сохранением структуры и кадров бывших царских ведомств и учреждений. Тезис о том, что в первые годы советской власти старый государственный аппарат был приспособлен к задачам новой власти, подтверждается историей становления советского центрального отраслевого органа управления сельским хозяйством [1. С. 7–8, 15–16]. Напомним, что Народный комиссариат земледелия РСФСР (НКЗ) был образован 26 октября (8 ноября) 1917 г., а в декабре 1929 г. преобразован в Народный комиссариат земледелия СССР. В 1946 г. Народный комиссариат земледелия СССР был преобразован в Министерство сельского хозяйства СССР.

В исследовательской литературе нашли отражение различные стороны деятельности НКЗ, при этом социоприродные аспекты не являлись предметом специального исследования. Под социоприродными, или социоестественными, аспектами мы понимаем взаимоотношения позднего аграрного общества и окружающей среды в процессе хозяйственного использования природных ресурсов. Между тем именно в рамках деятельности НКЗ можно проследить преемственность в государственном регулировании вопросов природопользования с предшествовавшим периодом, выявить определенные тренды и матрицы, заложенные для дальнейшего развития, обнаружить качественные изменения в аграрной политике советской власти в первые 20 лет ее существования. Социоестественные аспекты аграрной политики советского правительства позволяют определить отношение власти к экопроблемам позднего аграрного общества, выявить конкретные реакции-действия на них. Разумеется, экологического

направления в деятельности НКЗ в современном нам понимании тогда не существовало, однако некоторые его элементы нами все же выявлены.

Наше исследование выполнено в русле сравнительно нового междисциплинарного научного направления – социоестественной (СЕИ), или экологической, истории (Environmental History), в центре внимания которой находятся проблемы взаимодействия природы и человека [2]. Анализ соответствующей деятельности дореволюционного аграрного ведомства царской России показал, что вопросы использования природных ресурсов в сельскохозяйственной практике имели хоть и не первостепенное, но вполне осознаваемое властью значение, повышающееся по мере обострения экокризиса [3].

Цель данного исследования состоит в изучении социоприродных аспектов аграрной политики НКЗ в период от Октябрьской революции до начала Великой Отечественной войны, определении значения проблемы истощения природных ресурсов для советского правительства.

Источниками исследования послужили богатейшие материалы фонда НКЗ в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), содержащие разнообразные делопроизводственные документы: отчеты, справки, обзоры деятельности, переписку и др. Некоторые из них вводятся в оборот впервые. Помимо этого, мы изучили ряд официальных печатных изданий 1920-х гг. о промежуточных итогах работы НКЗ. Некоторые размышления о путях развития сельского хозяйства в период НЭПа в виде печатных версий докладов ученых, представленных ими на заседаниях Сельскохозяйственной секции Госплана СССР, нашли отражение на страницах журнала «Труды Земплана», периодического издания Плановой комиссии НКЗ, издаваемого в 1924–1930 гг. Данные материалы весьма информативны, так как содержат взгляды ученых того периода о способах восстановления сельского хозяйства и решения его социоприродных проблем. Многие их рекомендации и предложения были положены в основу первого пяти-

летнего плана развития аграрного сектора советской экономики.

Результаты исследования представлены в хронологическом порядке с указанием на проблемные вопросы обсуждения и деятельности НКЗ в следующие периоды: 1917–1921 гг., 1921–1929 гг., 1930-е гг. Они соотносятся с традиционной периодизацией истории страны, включающей этапы «военного коммунизма», НЭПа и коллективизации.

Деятельность НКЗ в 1917–1921 гг.

Данный период был насыщен работой по восстановлению разрушенного сельского, лесного и водного хозяйства страны, переводу отраслевой государственной деятельности из чрезвычайного в нормальный режим функционирования, решением большого комплекса как организационных, так и практических проблем. Первоочередной задачей было восстановление производительных сил страны: расширение площади посевов, получение высоких урожаев, возобновление экспорта зерна. В силу истощенности природных ресурсов актуальными стали вопросы мелиорации обрабатываемых и неудобных земель, улучшения агротехники, лесовосстановительных мер, водоохранения и др.

Сводный отчет о деятельности НКЗ за первые три года существования подготовил его сотрудник, экономист и статистик Б.Н. Книпович [4]. Для нас ценно то, что помимо статистических и описательных данных он привел собственную оценку работы ведомства за этот период, что позволило увидеть внутренние механизмы работы НКЗ и трудности, с которыми наркомат сталкивался в начальный период деятельности. Экономист отмечал, что после революции прибавка земли для многомиллионного малоземельного и безземельного крестьянства оказалась ничтожной: согласно данным анкетирования Отдела землеустройства, на едока приходилось десятые и даже сотые доли десятины. В большинстве губерний увеличение наделов не превышало полдесятины и лишь в немногих достигало десятины [Там же. С. 9].

Главной задачей для ведомства в те годы была организация посевной площади. Серьезная проблема существовала в снабжении крестьян семенами. Возможности ввоза семян из-за границы и с Украины были сокращены, качество посевного материала резко упало, не хватало семян специальных культур, например льна-долгунца, кормовых трав. В 1920 г. согласно декрету СНК был создан погубернский семенной фонд. Были также трудности в снабжении крестьянских хозяйств минеральными удобрениями. Раньше их привозили из-за границы и немного производили в стране. После революции запасы удобрений исчерпались, их катастрофически не хватало. В связи с сокращением поголовья скота сельское хозяйство испытывало недостаток в туках. Б.Н. Книпович отмечал, что в области животноводства сокращение скота приняло угрожающие размеры. Данные переписи 1917–1919 гг. показали убыль лошадей на 7,1%, крупного рогатого скота – на 21,8%, свиней – на 44,7%. Особенно сильно пострадал молодняк. У НКЗ отсутствовали сведения

о состоянии частновладельческого животноводства. Для подъема скотоводства и развития племенного животноводства в губернии направлялись специальные зоотехнические экспедиции для обследования конского состава, отбора лучших пород скота. Был восстановлен Хреновский конный завод в Воронежской губернии, открыты сотни племенных рассадников крупного рогатого скота [Там же. С. 28–33].

Перед НКЗ была поставлена задача улучшения массового крестьянского хозяйства посредством его интенсификации и рационализации. Для реализации последнего при НКЗ был создан Отдел специальных культур. Главным условием восстановления сельского хозяйства было проведение землеустроительных работ, связанных с ликвидацией чересполосицы, дальнеполосицы и пр. Однако землеустроительным работам в течение 1919–1920 гг. препятствовало отсутствие необходимого количества землемеров: вместо необходимых для заявленного объема работ 35 тыс. человек их было всего 4 тыс. Трудности на местах состояли и в необеспеченности землемеров продовольствием, одеждой, инструментами и канцелярскими принадлежностями: так, на каждого землемера приходилось по четверти карандаша! Отдельным направлением в работе НКЗ было переселение крестьян в Сибирь. Всего туда отправились 3 190 ходоков, переселились – почти 25 тыс. человек [Там же. С. 21–25].

В лесном хозяйстве помимо экономического использования лесных материалов проводились работы по укреплению песков и оврагов.

Для кадрового обеспечения сельского хозяйства по просьбе НКЗ все специалисты (агрономы, лесничие, землемеры и пр.) были возвращены из действующей армии и военных учреждений. Всего в распоряжении НКЗ к 1921 г. находились 16 тыс. специалистов – «цифра ужасающе малая», как заметил Б.Н. Книпович. Из них только 4 тыс. человек имели профильное высшее образование. Попутно проводились мероприятия по восстановлению и расширению сети опытных учреждений, организации мелиоративной агрономии и широкому развитию сельскохозяйственного образования. Имевшихся тогда в пределах РСФСР 272 сельскохозяйственных учебных заведений было недостаточно для восстановления сельского хозяйства и его интенсификации, подчеркивал сотрудник наркомата [Там же. С. 37–40].

Началу широкой политики лесовосстановления предшествовал созданный в ноябре 1920 г. при Центральном лесном отделе НКЗ, ставшем преемником дореволюционного Лесного департамента, Всероссийский съезд мелиораторов. В своей резолюции участники съезда отметили, что за предыдущие 6 лет в Центре, на Юго-Востоке и Юге страны усилился рост оврагов и смытых склонов, песков, что грозило сокращением площади удобных земель, понижением уровня грунтовых вод, засорением водных и уничтожением сухопутных путей сообщения. Приостановление роста площади оврагов и песков, их мелиорация признавались «неотложной задачей текущего момента». Причину увеличения площади неудобных земель лесомелиораторы видели в хищнической эксплуатации лесов

и пастбищ, «вызванной обстоятельствами военного и революционного периода». Делегаты съезда приняли решения о восстановлении пришедших в упадок и создании новых лесомелиоративных округов, усиленной подготовке технического персонала, немедленном возвращении из армии имевшихся специалистов, срочной организации семенного и опытного дела, активной просветительской деятельности среди населения, выделении всех неудобных земель в отдельный государственный фонд. Ввиду этого лесомелиоративные работы признавались «ударными». Следующий съезд лесомелиораторов решено было посвятить защитным и водоохраным лесам [5. Л. 1–5 об.]. В перспективном плане развития лесного хозяйства на 1922 г. также намечались различные мероприятия по восстановлению лесов в зависимости от лесистости территории, состояния лесов после военно-революционного времени, когда избыточной рубке подвергались леса средней и южной полосы страны [6. Л. 32–34 об.].

Большое влияние на общий вектор деятельности НКЗ в 1920-е гг. оказали засуха 1921 г. и, как ее следствие, – неурожай и голод. Государственная власть, обеспокоенная масштабами и последствиями неурожая, обратилась к помощи ученых и практиков с целью всестороннего изучения причин этого пагубного явления и, главное, – получения конкретных предложений по преодолению хозяйственного кризиса и восстановлению сельского хозяйства страны. Период НЭПа был призван содействовать успешной реализации этой задачи.

НКЗ привлек лучших специалистов для анализа причин засухи и выработки предложений по борьбе с ней. В 1921–1924 гг. в Плановую комиссию НКЗ поступили записки и доклады по вопросам мелиорации, переселений, аренды и концессий, растениеводства и животноводства. Авторами материалов выступили видные ученые того времени: Н.П. Огановский, П.П. Маслов, П.И. Броунов, Б.А. Келлер и др. Особое внимание мы обращали на предложения, которые впоследствии были реализованы на практике.

В частности, экономист, сотрудник ВСНХ, двоюродный брат экономиста-аграрника А.В. Чайнова С.А. Клёпиков отметил, что «знойное лето и почти полное отсутствие дождей в связи с сокращенной посевной площадью и неудовлетворительная неудобренность сообщили неурожаю исключительный по силе характер». Даже печально известный голодный 1891 г. бледнел по сравнению с 1921 г. Главными причинами неурожая он считал сокращение площади обрабатываемых земель, ухудшение скотоводства. Мерами выхода из кризиса экономист называл отмену продналога в районах бедствия, организацию переговоров с границей о получении хлебного займа «на каких бы то ни было основаниях», экстренные меры по получению урожая из Сибири и Украины [7. Л. 24, 26, 29].

Экономист, один из создателей Госбанка СССР З.С. Каценеленбаум полагал, что стихийное вовлечение земель в сельскохозяйственный оборот создало необходимую потребность в мелиоративных работах. Все земли в стране требовали ремонта, ведь «нет ни одного района, уезда и волости, где не было бы необ-

ходимости в улучшении». Задачами мелиорации в 1920-х гг. в Европейской России он считал восстановление луговодства и травосеяния параллельно с возрождением животноводства и скотоводства. Обязательным экономист считал проводить мелиорацию лесных участков. По его данным, к 1914 г. в Европейской России было 142 млн дес. леса. В ведении казны было 106 млн дес., из них удобной земли – 84 млн дес., рационально устроенных участков – 18,7 млн дес., неудобной земли – 22 млн дес. Большая часть казенных лесов нуждалась в мелиорации. Он подчеркивал, что объем денежных затрат советского государства на мелиоративные работы в ближайшие 10–15 лет должен был составить не менее 2,5 млрд руб. Затраты на улучшения сельского хозяйства ежегодно, по его прогнозам, должны были равняться 150–200 млн руб., что составило бы 10–20% от государственного бюджета. Это были огромные средства для страны с запущенным сельским хозяйством, недофинансированием аграрной сферы. Однако, по его мнению, именно централизованное государственное регулирование мелиорации, систематическое бюджетное ее финансирование могли справиться с проблемой. В силу того, что за годы революции и Гражданской войны доходная часть государства ослабла, основные средства оно тратило на армию и флот, экономист предлагал привлекать местное население на мелиоративные работы, инициировать создание мелиоративных товариществ, привлекать частные средства в виде концессий и кредитов. Последнее он больше видел в качестве софинансирования государственных проектов. Эффективным средством было создание специального Мелиоративного банка или Сельскохозяйственного банка с мелиоративным отделением, которые выпускали бы кредиты в виде мелиоративных облигаций [8. Л. 2–43].

Юрист О.Г. Гольдовский предлагал законодательно урегулировать различные виды мелиорации и использования вод. По его мнению, перед специалистами стояли задачи скорейшего землеустройства, размежевания и водной мелиорации. Однако специалист сетовал на нехватку землемеров, вследствие которой отводы земель завершились только в 6% губерниях, а подготовительные работы к ним начались только в 28% губерний. В остальной части страны господствовала фактическая и правовая неопределенность землепользования и водопользования. Осложняли ситуацию и беспорядочные переделы земли. В перспективе юрист предлагал активнее вовлекать население в мелиоративные мероприятия, разрабатывать специальные инструкции по осуществлению оросительных, обводнительных и осушительных работ по всей стране. Решением проблем эффективного использования водных ресурсов он называл разработку нового водного законодательства, которое упорядочило бы использование вод в хозяйственных целях. Вообще водное хозяйство требовало систематизации и рационализации, так как водные ресурсы были распределены по территории страны крайне неравномерно. Как замечал О.Г. Гольдовский, в земледельческих губерниях европейской части РСФСР реки мелели, засыпались илом и песком, часты были засухи, которые обострялись из-за выруб-

ки лесов, распашки склонов рек, оврагов, засорения рек. В городах случались эпидемии инфекционных заболеваний из-за употребления в пищу грязной воды, пожары бывало нечем тушить. Причинами этого были низкий уровень сельскохозяйственных и технических знаний, материальная необеспеченность, отсутствие разумного руководства со стороны власти, продуманного законодательства. Пагубно сказывалась и привычка населения к широкому простору для произвола в деле водопользования. Дореволюционные законодательные нормы охраны вод не соблюдались из-за недостатка административного персонала, воды были предоставлены бесконтрольному и хищническому распоряжению частных лиц. Судоходство и сплав по рекам – единственные случаи, когда государство вмешивалось в процесс водопользования. Негативные последствия имело то, что вне правовой защиты находились верховья и притоки судоходных и сплавных рек: они были предоставлены свободному распоряжению прибрежных владельцев вплоть до преграждения естественного течения рек. В 1918–1919 гг. НКЗ, ВСНХ и Управление водного хозяйства предприняли безуспешную попытку разработать общий водный закон. Неудача той попытки была следствием конкуренции хозяйственных интересов разных ведомств [8. Л. 249, 254–266].

О.Г. Гольдовский видел основную задачу при подготовке советского водного законодательства в учете, прежде всего, государственно-общественных интересов с целью охраны и сохранения водных ресурсов и запасов страны. Только в масштабах государства возможно было проведение крупных гидротехнических мероприятий по приведению водных ресурсов в надлежащее состояние: очистка и углубление русел рек, регулирование течения рек, очистка берегов. Государство должно было осознавать ответственность за водные ресурсы страны, которые составляли ее национальное достояние. Специалист полагал, что помимо разработки общих начал водного законодательства необходимо было установить специальные правила о пользовании водами для нужд сельского хозяйства, транспорта, промышленности, рыболовства. Отдельные главы закона следовало посвящать охране берегов рек от загрязнения, порчи, их укреплению от размывов и затопления. Для того чтобы избежать сумятицы в водопользовании, нужно было четко разграничить общегосударственные и местные предметы ведения в этой сфере. Правила водопользования необходимо было разрабатывать вдумчиво, с учетом местных естественноисторических и гидрологических особенностей [Там же. Л. 267, 270–274].

Геоботаник, почвовед Б.А. Келлер поднял проблему распространения сорно-полевой растительности в Европейской России. По его наблюдениям, сорные травы в земледельческих губерниях приобрели характер государственного бедствия. Проблема состояла в том, что крестьяне часто засеивали поля отходами и отсевами, оставшимися от очистки клеверных семян. В них и содержались семена вредителей-сорняков. Посевной материал, таким образом, находился в плачевном состоянии из-за его засоренности. Причинами этого, по

мнению ученого, явилось разрушение рационально устроенных хозяйств, опытных станций, падение интенсивности и качества полевой обработки, тяжелые продовольственные затруднения, при которых чистый семенной материал шел на питание или смешивался с худшим по качеству. Много сорняков уже находилось в культурном слое почвы, попадая туда и через навоз животных, питавшихся сорной травой [Там же. Л. 144–145, 154, 156, 159].

Для борьбы с сорняками необходимы были глубокая вспашка земли, очистка уже засоренной почвы, поддержание ее в чистоте. Главным организатором в деле борьбы с сорняками должно было стать государство, которое организовало бы работу областных опытных станций, просветительскую деятельность на селе, сеть зерноочистительных пунктов для населения, прокатные пункты для очистки сельскохозяйственных орудий. Важным было восстановить деятельность старых семенных контрольных станций. Б.А. Келлер предлагал поощрять тех крестьян, которые сдавали чистое зерно, путем снижения для них налогов. Особенно большие скидки надо было делать для коллективных хозяйств, чтобы практика чистосортного земледелия распространялась шире. Наряду с поощрительными мерами он предлагал вводить меры принудительного взыскания за преднамеренное засорение зерна и фальсификации при сдаче семян. Ученый настоятельно советовал власти использовать дореволюционные кадры специалистов сельского хозяйства [Там же. Л. 167, 169–175].

Ученый-лесовод, профессор Воронежского сельскохозяйственного института В.И. Иванов обращал внимание на проблему самовольных лесных порубок. Он с сожалением писал о том, что в годы революционных потрясений «лес оказался имуществом “без собственника”, публичным, им пользовались все и как угодно». Государственные функции по охране и защите леса минимизировались при широкой свободе распоряжения лесом со стороны граждан. Государство не нормировало пользование лесом. Национализация лесов, по мнению ученого, привела к хищническому их уничтожению: «...его уничтожали, будто бы вообще правовых норм не существовало». В.И. Иванов предупреждал о том, что такое положение было чревато полным лесоразрушением в лесостепи и на юге страны, и далее везде, где был лес. Он считал, что надо разработать такие правовые нормы, которые реально действовали бы на практике, эффективно регламентировали использование леса в хозяйственных целях. Лесовод называл сложившуюся ситуацию разрухой, под которой он понимал усиленные рубки леса, в десятки превышавшие плановые отпуска, полный развал административного контроля в лесном хозяйстве (не было связи между центральным лесным органом управления и местными органами). По его наблюдениям, местные органы лесного управления действовали самочинно, никто не имел представления о своей компетенции. В лесах велись рубки «беспорядочно, без всякой системы», процветали кражи и хищения леса [Там же. Л. 209–210].

Как полагал лесовод, в принятом в мае 1918 г. «Основном законе о лесах» нормы об охране лесов

были расплывчатыми, не были также четко определены обязанности местных органов и граждан по охране леса. В.И. Иванов считал, что в законе закреплялась в большей мере техническая часть лесного хозяйства, а не административная. В лесничествах была большая текучка кадров. Лесничества существовали сразу двух типов – бывшие казенные и новые советские. В бывших казенных лесничествах порядок держали по инерции, но с появлением новых лесничеств они превратились в «старорежимные». В результате старые опытные кадры лесников уходили, что негативно отражалось на состоянии всего лесного хозяйства. Национализация лесов способствовала развалу лесного хозяйства и расхищению лесов. Крестьяне стали резко рубить лес для строительства и топки своих изб, так как раньше они были лишены такой возможности. Все военные организации, ВСНХ относились к лесу неподобающе государственным учреждениям. «Всякая организация чувствовала себя хозяином в лесничествах», – заключал автор доклада. Они стремились больше захватить лесных участков для заготовки леса. Особенно сильно темпы вырубки повысились после перевода железнодорожного транспорта на древесное топливо. Местные лесные органы пытались тогда даже остановить такую «горячку», хищническую рубку лесов государственными органами, но все кончалось угрозами, арестами и расстрелами.

Государственные лесозаготовительные организации способствовали самовольным порубкам, нарушая самими же установленные правила, демонстрируя негативный образец поведения населению. Тогда в лесничествах все действовало согласно принципу «бери, пока можно взять». Государственные учреждения развивали у граждан потребительское отношение к лесным ресурсам, а не формировали чувство бережливости и уважительного отношения к ним как к народному достоянию. Значение леса в глазах народа падало, притом что он стал доступным. «Лес стал всенародным не в юридическом смысле, а в фактическом – каждый считал его своим», – писал В.И. Иванов.

В связи с этим он предлагал повысить ценность леса за счет введения специальных правил и инструкций о нормах пользования лесами, ужесточения норм о его охране. Он предлагал ряд пассивных мер защиты леса, понимаемых им как охрана в узком смысле слова: централизовать управление лесным хозяйством, возобновить действие норм старого Лесного устава о лесной администрации и полиции, расширить штат лесной стражи, самовольные порубки переqualифицировать из административных правонарушений в уголовные преступления, рубку особо ценных пород деревьев, представлявших памятники природы, выделить в отдельную группу преступлений с более строгой санкцией, применять повышенную ответственность за порубки в защитных лесах. В качестве активных мер защиты леса, понимаемых В.И. Ивановым как превентивные, предлагались отвод лесосек с учетом интересов местного населения, периодические прочистки и прорубки леса, после которых хворост и прочий лесной материал продавался бы по доступной цене населению, drobный отпуск леса для населения; повыше-

ние культурного уровня лесных служащих, воспитание в них специалистов, а не «мастеров» [Там же. Л. 211–214, 217–225, 227–233].

Ученый-географ Ю.П. Иорданский предлагал возродить систему переселений на восток страны. Для этого надо было создать центральное переселенческое управление, которое координировало бы все миграционные потоки в стране, восстановить переселенческие пункты по ходу движения железнодорожного транспорта. В качестве правил организации самого процесса переселений он предлагал обратиться к дореволюционным инструкциям, регулировавшим врачебно-санитарный надзор, взаимоотношения с транспортным персоналом и пр. [Там же. Л. 121–124, 129].

Партийный деятель Х.Г. Раковский отмечал, что хронический неурожай, который периодически охватывал страну, являлся результатом не столько нехватки атмосферных осадков, сколько их нерационального использования в результате примитивных способов ведения сельского хозяйства и в особенности ограниченного набора высеваемых культур. Х.Г. Раковский предлагал расширить посевы кукурузы и фасоли, которые могли возделываться на широкой территории страны, восполнять неурожай пшеницы и ячменя, обогащать почвы полезными веществами. Однако в силу консерватизма крестьяне не возделывали эти культуры на своих полях, поэтому, по мнению партийца, НКЗ следовало популяризировать их среди крестьянства. НКЗ посчитал это предложение Х.Г. Раковского полезным и в части решения продовольственной проблемы, и с точки зрения повышения техники сельского хозяйства. При этом было указано, что его мысли о широком культивировании кукурузы в России были не новы: в 1910-е гг. на опытных полях были выведены разные сорта кукурузы, устойчивые к засухам и северному климату. Относительно фасоли НКЗ заметил, что культура обладала несомненными полезными свойствами, но в уходе и сборе была тяжела для крестьян. Внимание этим двум культурам уже уделялось агрономами юга и юго-востока страны. НКЗ считал необходимым популяризацию посевов кукурузы и фасоли среди крестьянства с учетом ожидаемых засух [9. Л. 7–7 об., 10–11].

Многие предложения научной общественности были реализованы на практике: образованы мелиоративные товарищества, законодательно закреплена комплексная борьба с засухами, повышались темпы землеустройства, были начаты мероприятия по агролесомелиорации и пр. [10].

Деятельность НКЗ РСФСР в 1921–1929 гг.

Период НЭПа был связан с активным восстановлением сельского хозяйства страны. Для работы в НКЗ были привлечены дореволюционные специалисты: в 1920–1923 гг. Управление сельскохозяйственной экономики и политики НКЗ возглавлял экономист Н.Д. Кондратьев, в 1921–1924 гг. Статистическим отделом НКЗ заведовал экономист Н.П. Огановский, входивший в особое экономическое совещание наркомата, в 1921–1923 гг. экономист А.В. Чайанов был членом коллегии

НКЗ и его представителем в Госплане РСФСР. В 1923–1924 гг. для составления перспективного плана восстановления сельского хозяйства Плановая комиссия НКЗ пригласила дореволюционных специалистов в сфере экономики, агрономии, климатологии и пр. Работой по составлению первого пятилетнего плана развития сельского хозяйства руководили экономисты Н.Д. Кондратьев и Н.П. Огановский.

В период обсуждения его основ высказывались различные мнения. Так, экономист-аграрник П.П. Маслов решающий фактор в повышении производительности сельского хозяйства видел в его рационализации. Н.П. Огановский рекомендовал восстановить крупные хозяйства юга и юго-востока страны, трансформировав этот район из зернового в скотоводческо-земледельческий с введением в севооборот кукурузы и кормовых трав [11. Л. 31–32, 106–106 об.]. Н.Д. Кондратьев считал, что основой сельскохозяйственной политики государства должны стать интенсификация сельского хозяйства в тех районах, где для этого имелись естественные и экономические предпосылки, рациональная организация и развитие экстенсивного хозяйства в многоземельных районах, индустриализация сельского хозяйства. Среди факторов, влиявших на развитие сельского хозяйства, ученый называл рост населения и ход землеустроительных работ. К 1928 г. он прогнозировал рост населения на 8%. Расширение землеустроительных работ, по мнению ученого, положительно сказалось бы на восстановлении сельского хозяйства. За 1919–1924 гг. землеустройство охватило лишь 19% территории страны, что было недостаточным для интенсификации сельского хозяйства. Особое внимание следовало, по мнению Н.Д. Кондратьева, уделить развитию животноводства и скотоводства [12. С. 23–27, 33–34]. На низкие темпы землеустроительных работ к середине 1920-х гг. указывал и его коллега – Н.П. Огановский. До 1922 г. они не субсидировались государством и полностью лежали на плечах крестьянства. По подсчетам ученого, они должны были завершиться через 30 лет. При этом революция только смягчила, но не устранила проблему аграрного перенаселения. Экономист прогнозировал рост посевных площадей и численности населения. Однако к 1928 г., как он полагал, не удалось бы достигнуть равновесия между земледелием и скотоводством, последнее могло восстановиться лишь к 1932 г. [12. С. 126, 135–137, 149].

В силу этого важным направлением в деятельности НКЗ в 1920-е гг. признавались землеустроительные и мелиоративные работы. Площадь, пригодная для заселения, уменьшилась, внимание уделялось вовлечению в хозяйственный оборот пустовавших и необжитых территорий. Существенное значение приобретала рациональная организация водного хозяйства страны. Согласно мнению НКЗ, следовало проводить расчистку и углубление русел рек. Водно-мелиоративные мероприятия должны были стать основой для интенсификации сельского хозяйства. При этом специалисты НКЗ понимали, что в существующих экономических условиях аграрное ведомство не имело возможностей осуществить широкие задачи по мелиорации, как это было раньше. В ближайшее пятилетие лишь незначи-

тельная часть мелиоративных работ могла быть оплачена государством, большая же их часть должна была быть проведена за счет населения. Для облегчения тяжести затрат предлагалось создавать мелиоративные товарищества. Признавалось, что для успеха мелиоративных мероприятий необходимо было развивать научные основы сельскохозяйственной мелиорации, ведь к тому времени систематических исследований в этой области еще не проводилось. Планировалось начать гидрометрические работы для систематического исследования тока вод и учета водных запасов страны, а также восстановления уничтоженных на 75–100% в период Гражданской войны гидрометеорологических сетей. В части колонизационного дела предпочтение отдавалось не столько переселению избыточного населения на окраины, где лимит свободных земель был исчерпан, а само переселение требовало больших финансовых затрат, сколько развитию трудоемких отраслей сельского хозяйства [13. С. 6–8, 69, 76–78, 83].

Эти предложения специалистов были реализованы на практике: в 1924–1925 гг. в 12 губерниях, пострадавших от засухи и голода, Совнарком и НКЗ организовали общественно-мелиоративные работы. Из материалов Саратовского совещания, состоявшегося в январе 1925 г., следует, что борьба с засухой на юго-востоке страны должна была приобрести постоянный и длительный характер. Члены совещания отметили, что местные климатические условия (недостаток атмосферных осадков) и экономические трудности (примитивные приемы полеводства) осложняли борьбу с засухой. В первую очередь в регионе следовало провести водохозяйственные мероприятия (орошение земель, лесокультурные работы), затем – землеустроительные. Инициированные советской властью общественно-мелиоративные работы по форме были аналогичны дореволюционным мероприятиям царского правительства. Однако подчеркивались их классовая направленность, осуществление в интересах крестьянства, а не капиталистической выгоды от земли. Борьба с засухой в регионе понималась как комплекс мер, включавший и устранение последствий засухи, и улучшение приемов земледелия, и увеличение производительности труда. Иными словами, она была направлена на интенсификацию сельского хозяйства [14. Л. 134–140].

Несмотря на пафос и воодушевление речей чиновников НКЗ на Саратовском совещании мелиораторов, на практике все было не так радужно. Об этом можно судить по письмам и отчетам писателя А.П. Платонова, который в 1922–1926 гг. руководил общественно-мелиоративными работами в Воронежской губернии. В частности, весной 1925 г. он писал руководителю отдела мелиорации НКЗ Т.А. Рунову о катастрофической нехватке денег на дальнейшие работы. В одной из публицистических статей А.П. Платонов резюмировал, что в 1924–1925 гг. задача продовольственной помощи населению была решена, а строительство гидротехнических сооружений не было доведено до конца [15. С. 11–12].

Метеоролог П.И. Броунов, основоположник агрометеорологии, предложил повысить урожайность, используя данные метеорологических наблюдений: на

основе длительных наблюдений (в течение 20–30 лет) для каждой местности вычислять вероятность температурного режима, влажности, ветренности, осадков, заморозков в периоды созревания растений, создавать специальные метеорологические таблицы, доступные крестьянам, которые могли бы в соответствии с прогнозами осуществлять сельские работы. Особенное внимание при составлении таблиц необходимо было уделять вероятности наступления засух и градов. Даже в засушливые периоды, был уверен П.И. Броунов, можно было получать урожай, если рассчитывать выпадение скудных осадков именно в необходимые для растений периоды. В засушливый 1921 г., по его мнению, можно было минимизировать урожайные потери, если бы посеы проводились по надлежащим расчетам. За агрометеорологией П.И. Броунов видел большое будущее, предсказывая еще В.В. Докучаевым, который, узнав о его экспериментах, воскликнул: «Да ведь это замечательнейшее открытие, оно будет иметь огромное значение для нашей сельскохозяйственной промышленности; благодаря ему мы повысим урожайность хлебов во много раз». Ученый предлагал создать широкую сеть агрометеорологических станций по всей стране. Эти исследования являлись делом первой государственной важности, на которые не надо было жалеть денежных средств. В первую очередь такие станции надо было строить в степных и лесостепных зонах. Работу по развитию агрометеорологии, по мнению П.И. Броунова, следовало поручить Отделу метеорологии при НКЗ [11. Л. 128–139]. Наркомат был заинтересован в подобных предложениях ученого, так как это открывало возможности увеличения урожая, а значит, решало продовольственную проблему и расширяло возможности экспорта. Уже тогда стали проводиться агрометеорологические наблюдения по узкой группе наиболее востребованных сельскохозяйственных культур, таких как овес, гречиха, просо, рожь и картофель, строились агрометеорологические станции.

Б.Н. Книпович подчеркивал своеобразие каждого района и наличие в нем специфических тенденций, которые должны были быть приняты в расчет при проектировании мероприятий НКЗ по восстановлению и развитию аграрного сектора отдельных территорий страны. Он был уверен в том, что сельскохозяйственная политика правительства должна быть районной, учитывать особенности и возможности каждого района и, исходя из этого, связывать их в единую систему. Разрабатываемые планы должны были учитывать конкретные условия областей, очередность решаемых в них задач [16. С. 97–113].

В 1924 г. в целях восстановления и развития сельского хозяйства страны был утвержден государственный план семеноводства. Ставка была сделана на сортоводство, создание государственного селекционного семенного фонда. В целях предотвращения бедствий от неурожая планировалось создать на местах семенные запасы сортового семенного материала. Предполагались импорт необходимых для селекции материалов и запрет на экспорт наиболее ценных сортов семян [17. С. 8].

Для достижения основной цели – повышения урожайности полевых культур – специалисты НКЗ выдвигали

задачу развития кормовой базы для животноводства. Изучением лугов и болот занимался специальный Государственный Луговой институт, а также ряд опытных учреждений. На развитие луговодства выделялось 3,2% бюджета на пятилетнее развитие сельского хозяйства. Полевое травосеяние и рационализация хозяйства рассматривались как синонимы прогресса аграрной сферы страны. Общая депрессия сельского хозяйства вызвала сокращение травосеяния почти на 60% по сравнению с 1913 г. По этой причине уменьшились запасы семян кормовых трав, поэтому в ближайшее пятилетие, по прогнозам Плановой комиссии НКЗ, необходим был ввоз их из-за границы. Требовалось также улучшение полевого посевного материала посредством зерноочистки и зерносортирования, массового внедрения сортового материала в хозяйства. Самостоятельным направлением деятельности НКЗ признавалось снабжение хозяйств минеральными удобрениями для восстановления плодородия почв и повышения их урожайности. В борьбе за урожай важное место отводилось мероприятиям по защите растений от вредителей, а также развитию научного и опытно-исследовательского дела. Не менее важным было увеличение кадров агрономов и повышение их квалификации [18. С. 18–19, 25, 29–30, 35–39, 100–109].

Отдельно был рассмотрен план развития лесного хозяйства РСФСР. Он был подготовлен членом Плановой комиссии НКЗ лесоводом М.Г. Здориком и включал задачи сбалансированного лесопользования, восстановления лесов после опустошительных рубок периода революции и Гражданской войны, которые проводились вдоль линий железных дорог и по берегам сплавных рек. На эти работы лесовод отводил 20 лет.

Следующим мероприятием должно было стать обследование лесистости и вообще запасов лесов на территории страны. Лесоустройство в первую очередь должно было коснуться лесов защитного характера: их следовало восстановить в первое пятилетие. Для успешной организации лесного хозяйства требовались централизация государственного устройства лесов, четкое отделение лесного фонда от земельного, создание опытных лесничеств. Предлагалось упорядочение охотничьего хозяйства, которым управляло созданное осенью 1920 г. при НКЗ Центральное Управление по делам охоты. Планировалось продолжить лесомелиоративные мероприятия и довести их до дореволюционного уровня, когда ежегодно с целью закрепления песков и оврагов высаживалось 16 тыс. дес. леса. На укрепление оврагов в центральных и восточных частях Европейской России дореволюционное правительство отпускало большие финансовые ресурсы. У советского правительства таких возможностей не было, поэтому планировалось привлекать к этим работам местное население при инструктировании его лесомелиораторами. Ставились задачи по дальнейшему высаживанию защитных лесных полос в Самарской, Саратовской, Воронежской, Астраханской и других губерниях. При этом лесомелиоративное дело можно было восстановить до размеров довоенного времени лишь через 10 лет, т.е. к середине 1930-х гг. Пока же специалисты рассчитывали компенсировать недостаточное

финансирование лесомелиорации широкими общественными работами.

М.Г. Здорик замечал, что требовались большие деньги на расчистку 598 лесных рек и речек общей протяженностью более 13 тыс. верст. Эти работы планировалось осуществить за счет английских кредитов, в противном случае они откладывались «до более благоприятного экономического положения Республики». Охрана лесов требовала увеличения штата лесничих и повышения им зарплаты. Лесовод сообщал, что за время войн и революции самовольные лесные порубки достигли грандиозных масштабов, в сознании крестьянского населения закрепилось потребительское отношение к лесам. К началу 1924 г. советская охрана лесов была организована крайне плохо. В 1910 г. Лесным департаментом был составлен проект об увеличении числа лесничеств на 1 тыс. в течение 10 лет, т.е. к 1919 г. вместо 1 264 лесничеств должно было быть 2 264. Лесовод предлагал восстановить охрану лесов хотя бы до довоенного уровня. Однако, исходя из отпущенных государственных кредитов на 1925–1929 гг., это было сделать сложно – денег было недостаточно. Для оптимизации работы лесничеств М.Г. Здорик предлагал объединить смежные лесничества одной губернии в окружное лесничество во главе со специалистом с высшим лесным образованием и стажем работы, одной канцелярией, штатом лесничих, объездчиков, техников и пр. [19. С. 69, 90–91, 109, 132–139, 142, 145].

К 1927 г. в составе лесов были выявлены заметные отрицательные изменения: доля хвойно-широколиственных лесов уменьшилась и возросла доля мягколиственных пород. Причинами этого были бессистемные рубки и почти полное отсутствие лесовосстановительных мероприятий. Больше всего пострадали леса центральных, северо-западных, западных и южных областей страны. В период 1918–1923 гг. в лесах 30-верстной полосы вдоль транспортных путей лесосеку перерубили почти в 2 раза. За 1923–1925 гг. в условиях топливного кризиса самовольные рубки леса достигли 5,8 млн м³ древесины. Негативно на состоянии лесов европейской части СССР сказалось то, что расходы на лесное хозяйство за период 1917–1927 гг. в абсолютных цифрах были самыми минимальными и состояли в основном из зарплаты штату лесных работников и расходов на тушение лесных пожаров. В 1922–1927 гг. на лесокультурные мероприятия тратилось всего 5% ежегодных государственных расходов на лесное хозяйство. Чуть лучше дело обстояло в период 1928–1933 гг.: тогда на лесовозобновление выделялось 2,8% от общего финансирования содержания лесов, на лесное опытное дело – 12,2%, лесную мелиорацию – 11%, лесоаграрную мелиорацию – 3,1%, лесоустройство – 3% [20. С. 25–26, 28–29, 32].

В 1925 г. в Плановой комиссии НКЗ обсуждали основы развития ветеринарного дела. С целью развития животноводства, преодоления последствий разрухи и широкого распространения эпизоотий, организации ветеринарно-санитарного надзора ставились задачи создания сети эпизоотических, ветеринарно-санитарных и карантинно-охранных пунктов, доступности населению ветеринарной помощи. План был разработан спе-

циалистом Ветеринарного управления НКЗ С.Н. Павлушковым. Он отмечал, что в дореволюционное время ветеринарное дело было поставлено очень хорошо: оно стабильно финансировалось примерно в объеме 14 тыс. руб. в год, к 1912 г. в Российской империи было более 4 тыс. ветеринарных врачей, 24 бактериологические лаборатории и пр. В 1901 г. при Министерстве внутренних дел было образовано самостоятельное Ветеринарное управление, которое успешно справлялось с эпизоотиями. В годы войн и революции ветеринарная сеть была разрушена, уничтожены охранно-карантинные пояса на границах с Персией, Турцией, Афганистаном, Китаем и Монголией, что вызвало занос на территорию страны заболеваний скота, особенно чумы рогатого скота. После прихода к власти большевиков в составе НКВД была создана ветеринарная часть, а с декабря 1920 г. она была передана в ведении НКЗ. В 1923 г. был принят Ветеринарный устав.

С.Н. Павлушков предлагал увеличить государственное финансирование ветеринарного дела для успешной борьбы с эпизоотиями и предотвращения болезни животных, повышать квалификацию ветеринарных работников, расширить сеть ветеринарно-бактериологических лабораторий и институтов, обеспечивать ветеринарные станции необходимым количеством дезинфекционных средств, ввести практику государственного страхования скота, выплат вознаграждений владельцам убиваемых больных животных и др. По его убеждению, следовало обязательно восстановить ветеринарно-санитарный контроль и вести ветеринарно-просветительскую работу среди населения [21. С. 5–10, 26–28, 44–45].

Проблеме развития хозяйств в засушливых областях было уделено отдельное внимание. К обсуждению вопроса были привлечены агроном Н.М. Тулайков, экономист Н.П. Макаров, растениевод А.М. Дмитриев [22]. Ученые сошлись в том, что в этом районе требовались проведение мелиоративных мероприятий, в особенности укрепление песков и оврагов, развитие животноводства, выведение засухоустойчивых семян сельскохозяйственных культур. Причем это должны были быть согласованные и длительные мероприятия. Ввиду нехватки лошадей рекомендовалось применение тракторов. Важное значение имело увеличение штата агрономов в Поволжье с 400 до 850 человек.

В конце октября 1925 г. состоялось специальное совещание земельных работников засушливых районов. Открывая работу совещания, член коллегии НКЗ К.Д. Савченко отмечал, что после засухи 1921 г. было мало сделано для того, чтобы избежать повторения новой засухи в 1924 г., хотя НКЗ предупреждал правительство о необходимости проведения «экстраординарных мер переустройства сельского хозяйства». Засуха 1924 г. показала, что «оставлять так этот вопрос недопустимо». Объявлялось, что правительство выделило на решение этой проблемы на трехлетний период беспрецедентное финансирование – 77 млн руб. Большие надежды руководство НКЗ связывало с новейшими данными науки. На совещании говорилось о необходимости завершения землеустройства, расширения интенсификации сельского хозяйства [23. Л. 6–10].

В 1925 г. для популяризации рациональных способов ведения сельского хозяйства, достижений агрономии был организован специальный агрономический поезд им. В.И. Ленина. Он состоял из 6 вагонов-павильонов, посвященных различным отраслям сельского хозяйства. Первые два рейса агропоезд совершил с 28 февраля по 5 апреля и со 2 апреля по 5 июля 1925 г. Председателем Совета агропоезда был К.Д. Савченко. Как сообщал И. Москвин, заведующий Брянским губернским земельным управлением, сопровождавший первый рейс по Брянской губернии, агропоезд был встречен местным населением «с таким интересом, какого трудно было ожидать»: желающих посетить выставки было во много раз больше, чем предусматривалось организаторами [24. Т. 1. Л. 18–19]. В отчете о поездке по Калужской губернии управлявший отделом аграрных мероприятий, публицист П.Я. Лежнев-Финьковский писал о большом интересе к агропоезду со стороны крестьян, которые специально приезжали посмотреть на него из отдаленных сел. Больше всего крестьян интересовали вопросы землеустройства, лесного хозяйства, кооперации и пр. Крестьяне были не против переходить на многополье, но у них не хватало семян клевера, необходимой техники [Там же. Л. 26–30].

Во второй рейс было отправлено уже 8 вагонов, которые пополнились новыми коллекциями экспонатов. Остановки были увеличены до двух дней. Все выставки пользовались интересом у населения: в день выставки посещали в среднем 1 000–1 100 чел., часто 3–4 тыс. чел. Всего за два рейса агропоезд проехал 9 губерний, его посетили 140 тыс. чел., из которых 75% были крестьяне. Результаты работы агропоезда были высоко оценены руководством НКЗ, а его деятельность признавалась необходимой в будущем. Следующий рейс по Московской, Тверской, Псковской и Новгородской губерниям продолжительностью 6 недель было решено отправить в сентябре 1925 г. [Там же. Т. 2. Л. 59–64, 66–67].

План мероприятий НКЗ на 1926–1927 гг. в области сельского и лесного хозяйства был составлен с учетом утвержденного Президиумом Госплана СССР пятилетнего плана развития народного хозяйства РСФСР, который предусматривал «максимальное развитие производительных сил сельского хозяйства путем увеличения товарной продукции, производительности сельскохозяйственного труда, интенсивности сельского хозяйства и т.д.». Важным считалось усиление животноводческого направления в сельском хозяйстве. Ставились задачи восстановления и развития рыбного хозяйства, введения запретных мер улова в водоемах и реках, в которых рыбные ресурсы использовались нерационально. Подчеркивалась важность завершения землеустроительных мероприятий и дальнейшего развития мелиорации [25. С. 5–8, 15–16, 19–22].

Деятельность НКЗ в 1930-е гг.

С переходом к политике коллективизации основной упор в деятельности НКЗ был сделан на расширение посевных площадей, получение стабильных урожаев, развитие животноводства, завершение землеустрои-

тельных работ [26]. Способы восстановления и поддержания плодородия почв специально обсуждались на совещании в Плановой комиссии НКЗ в декабре 1929 г. К обсуждению проблемы были привлечены ведущие экономисты и агрономы – А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров, Н.М. Тулайков и многие другие видные специалисты сельского хозяйства. По десяти зонам и системам сельского хозяйства они предложили такие меры восстановления плодородия почв, как удобрение, посев бобовых трав, чередование посевов культур, рациональная обработка и мелиорация почв. При этом, по словам председателя Плановой комиссии НКЗ А.И. Муралова, основной задачей являлось форсирование сельскохозяйственного производства [27. С. 19, 41].

Проблема засух и «социалистический план борьбы» с ними вновь обсуждались в НКЗ в 1931 г. Основная мысль этого плана сводилась к тому, что только в условиях политики индустриализации и коллективизации было возможно решить проблему засух. Считалось, что техника сухого земледелия, направленная на накопление влаги в почве посредством агротехнических мер хозяйствования, очистки почв от сорняков, могла в кратчайшие сроки поднять урожайность в засушливых районах. При этом отмечалось, что система сухого земледелия не страховала засушливые районы от новых засух, поэтому партия и правительство признали необходимым осуществление широкого общегосударственного плана водохозяйственных мероприятий по их обводнению и орошению. Руководство страны было убеждено, что в сочетании с «крупными лесомелиоративными мероприятиями» это должно было способствовать повышению темпов социалистического строительства. План борьбы с засухой признавался одновременно планом борьбы за высокие и устойчивые урожаи.

В соответствии с этими установками ЦК партии и Совнарком рекомендовали НКЗ с весны 1932 г. внедрить в засушливых районах севообороты, засевы полей пропашными культурами, раннюю зяблевую пахоту, активно бороться с сорняками, применять снегозадержание на полях. Планировалось расширить работы по селекции и семеноводству для выведения и внедрения в севооборот засухоустойчивых и высокопродуктивных сельскохозяйственных культур. Секретно предписывалось составить список семян культур для весеннего сева 1932 г., которые правительство должно было закупить за границей на сумму 500 тыс. руб. золотом.

В течение 1932–1942 гг. предполагалось провести широкие ирригационные мероприятия на площади 8–10 млн га, из которых в первые 5 лет должно было быть обводнено 3 млн га территорий Средней и Нижней Волги, Казахстана, Северного Кавказа, Украины. Для этого требовалось расширить производство оросительной техники, увеличить подготовку соответствующих кадров посредством создания в каждом засушливом районе по одному профильному вузу и по четыре техникума. Одновременно признавалась важность расширения научно-исследовательских работ в сфере изучения засух, агрономии, гидрологии и пр., в том числе путем командирования советских специа-

листов за границу для изучения зарубежного опыта ирригации, ведения земледелия на орошаемых землях. Предписывалось создать при НКЗ Главное управление водного хозяйства, а в республиках, краях и областях – органы по управлению водным хозяйством. (Главное управление водного хозяйства (Главводхоз) был создан в марте 1932 г. и просуществовало до ноября 1941 г.) На эти мероприятия на 1932 г. сверх бюджетных ассигнований отводилось 100 млн руб.

Должное значение следовало уделить полезным лесонасаждениям, облесению и укреплению оврагов, засеву техническими культурами песков. Планировалось мелиорировать 3 млн песчаных участков, укрепить 700 тыс. га оврагов. Ставились задачи по интенсификации научных исследований в области мелиорации. Всего в 1932 г. на агролесомелиорацию выделялось 90 млн руб. Планировалось расширить сеть метеорологических и гидрологических станций, активизировать изучение засух и суховеев как природных явлений. На эти работы в 1932 г. отводилось 10 млн руб. Важное значение придавалось агротехнической пропаганде в засушливых районах посредством радио, печати, устных бесед, плакатов и пр. [28. Л. 6–18].

Этот грандиозный план так и не был реализован в полной мере и был вновь возрожден уже после окончания Великой Отечественной войны в виде Сталинского плана преобразования природы конца 1940-х – начала 1950-х гг. Несмотря на это, некоторые лесовосстановительные мероприятия все же удалось реализовать во второй половине 1930-х гг., когда начались широкие лесокультурные и лесозащитные работы. Тогда весь лесной фонд страны был разделен на водоохранные и эксплуатационные леса. В 1936 г. защитные (водоохранные) леса из ведения НКЗ были переданы созданному Главному управлению лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР (Главлесохран). Объем лесовосстановительных мероприятий увеличился более чем в 100 раз. Благоприятно он сказался на состоянии лесов Западного, Московского, Верхне-, Средне- и Нижневолжского управлений, в которых доля мягколиственных насаждений достигала 40–62%. Это ведомство просуществовало до 1947 г., когда его функции были переданы образованному Министерству лесного хозяйства СССР [20. С. 34–35].

Выводы

Изученные социоестественные аспекты деятельности НКЗ в довоенный период демонстрируют, что мероприятия ведомства были ответной реакцией на периодически обострявшийся экологический кризис в аграрной сфере. Разумеется, деятельность НКЗ осуществлялась в контексте общегосударственной политики. Очевидно, что участвовавшие в первой трети XX в. засухи оказывали на власть заметное влияние: после них правительство делало быстрые и правильные выводы, активнее предпринимало меры по устранению их последствий, а главное – разрабатывало и внедряло превентивные меры. Главной целью упреждающей государственной политики по борьбе с засухой были высокие и стабильные урожаи. В свою очередь, как

указывали ученые того времени: «Борьба за повышение урожая – это хозяйственно-политическая задача» [29. С. 6].

Советское партийно-политическое руководство в лице центрального сельскохозяйственного ведомства не только отчетливо улавливало, но и глубоко осознавало масштаб социоприродных проблем сельского хозяйства страны. Большинство их досталось в наследство от царского правительства, но уже в значительно скорректированном его природовосстановительной политикой виде. Военно-революционный период обнулил многие достижения водо- и лесомелиорации, землеустройства и иных практических мер царской власти. Однако сохранились технические, научные наработки, кадры, которые были востребованы новой властью. Большевики не только опирались на существовавший ранее центральный отраслевой аппарат управления сельским хозяйством, но и во многом продолжили начатые мероприятия свергнутой власти. Ценно было то, что большая часть разумных предложений ученых и практиков (повышение уровня агротехники, в том числе с опорой на данные агрометеорологии, борьба с сорняками, мелиорация, развитие луговодства и травосеяния, развитие агрометеорологии и др.) была учтена советской властью. Благодаря инкорпорированию дореволюционных специалистов в работу НКЗ была сохранена преемственность в политике природопользования. Усилиями старых кадров были восстановлены истощенные природные ресурсы, составлен первый план развития сельского и лесного хозяйств. Однако игнорировались рекомендации ученых и практиков о применении районного (регионального) подхода в управлении отдельных отраслей сельского хозяйства. Общая директива распространялась на все территории, независимо от целесообразности внедряемых мер на конкретной территории. Так было, например, с повсеместным внедрением травосеяния, пропашных культур и пр. [30].

НКЗ в связи с общим затрудненным финансовым положением в стране постоянно испытывал недостаток денежных средств на природовосстановительные меры, которые в большинстве случаев финансировались по остаточному принципу. Несмотря на это ведомству удалось осуществить ряд мер по борьбе с оврагами, песками, мелиорации земель центральной и южной России, интенсификации сельского хозяйства, лесовосстановлению, переселению избыточного населения, развитию научных исследований, агропросвещению и др. На протяжении 1920-х гг. большевики буквально из руин восстановили опытные сельскохозяйственные станции и поля [31].

В рассмотренный период четко выделяются два этапа в социоприродной деятельности НКЗ: период 1920-х гг., когда происходило восстановление истощенных природных ресурсов проверенными дореволюционными способами (мелиорация, интенсификация сельского хозяйства и др.), и период поворота к природопокорительной политике, связанный с переходом к индустриализации и коллективизации. Основными лейтмотивами в период 1930-х гг. стали стремление подчинить природу государственным интере-

сам, господство тоталитарных методов природопользования, прекращение научных дискуссий. Такой подход закрепил потребительское отношение к природным ресурсам. Окружающая среда была отдана на закание грандиозным планам строительства социализма.

Социоприродные сюжеты в деятельности НКЗ не исчерпываются приведенными в статье примерами. Наше исследование лишь обозначило круг тех социоприродных проблем, с которыми НКЗ, а шире – советское правительство – столкнулись в довоенный период и как реагировали на них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозова Е.Н., Раскин Д.И. Становление советской государственности: использование имперского наследия в сфере центрального управления // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 7–23.
2. Кульпин Э.С. Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю. М.: Моск. лицей, 1996. 200 с.
3. Цинцадзе Н.С. Экологические аспекты аграрной политики Российской империи в 1861–1917 гг. // Клио. 2018. № 3. С. 60–69.
4. Книпович Б.Н. Очерк деятельности Наркомзема за три года (1917–1920). М.: Гос. изд., 1920. 47 с.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 9. Д. 1149.
6. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 9. Д. 1540.
7. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 30.
8. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 134.
9. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 759.
10. Цинцадзе Н.С. Социоестественные проблемы позднего аграрного общества Европейской части РСФСР в восприятии партийно-политического руководства страны 1920–30-х гг // Природа и общество: технологии обеспечения продовольственной и экологической безопасности. Сер. Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России / под ред. Н.О. Ковалевой, С.К. Костовска, Е.А. Борисовой. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. XL С. 140–149.
11. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 195.
12. Труды Земплана. М.: Новая деревня, 1924. Вып. 1: Перспективы развития сельского хозяйства РСФСР. 172 с.
13. Труды Земплана. М.: Новая деревня, 1925. Вып. 6: Советское землеустройство и мелиорация. Перспективный план. 254 с.
14. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 3384.
15. Малыгина Н.М. По заданию Москвы: Андрей Платонов – организатор общественных мелиоративных работ в Воронежской губернии в 1924–1925 годах // Москва и «московский текст» в русской литературе XX века: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 15–17 ноября 2007 г. М.: Изд. МГПУ, 2007. С. 4–13.
16. Книпович Б.Н. Главные черты сельскохозяйственной эволюции Европейской России в 1916–1921 гг.: материалы к плану Народного комиссариата земледелия на 1923 г. М.: Новая деревня, 1923. Вып. 1. 113 с.
17. Труды Земплана. М.: Новая деревня, 1924. Вып. 2, ч. 2: Государственный план семеноводства в РСФСР. 84 с.
18. Труды Земплана. М.: Новая деревня, 1926. Вып. 7, ч. 1: Мероприятия по развитию и организации сельского хозяйства РСФСР в условиях и перспективах пятилетия 1923–1928 гг. (План управления сельского хозяйства). 171 с.
19. Труды Земплана. М.: Новая деревня, 1924. Вып. 8: Лесное хозяйство РСФСР и перспективы его развития. 180 с.
20. Тарасенко В.П. Динамика лесистости и породного состава лесов Европейской части СССР и лесовосстановление. М.: Тип. ЦБНТИлесхоза, 1972. 52 с.
21. Труды Земплана. М.: Новая деревня, 1925. Вып. 9: Перспективы развития ветеринарного дела в РСФСР. 68 с.
22. Труды Земплана. М.: Новая деревня, 1924. Вып. 10: Устойчивое хозяйство в засушливых областях. 58 с.
23. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 3504.
24. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 3488. Т. 1, 2.
25. Труды Земплана. М.: Новая деревня, 1927. Вып. 11: Мероприятия по сельскому и лесному хозяйству на 1926–1927 год. Операционный план Народного комиссариата земледелия РСФСР. 98 с.
26. Труды Земплана. М.: Новая деревня, 1929. Вып. 16: Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства (1928/29–1932/33 гг.). Ч. 1: Основные проблемы перспективного плана развития сельского хозяйства. 255 с.
27. Труды Земплана. М.–Л.: Сельхозгиз, 1930. Вып. 17: Системы земледелия в засушливых и незасушливых районах. 244 с.
28. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 19. Д. 112.
29. Дедов И., Пескарев А., Голентовская А. Основные вопросы введения севооборотов в зерновых колхозах. Воронеж: Коммуна, 1933. 47 с.
30. Ильиных В.А. Звезда и смерть сибирского травосеяния // Крестьяноведение. 2016. Т. 1, № 1. С. 93–121.
31. Елина О.Ю. Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг.: советский вариант реформы // На переломе: советская биология в 20–30-х годах / под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, 1997. С. 27–85.

Nina S. Tsintsadze, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian federation). E-mail: NinaTsintsadze2010@yandex.ru

NATURE IN THE SERVICE OF SOCIALISM: THE SOCIO-NATURAL ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR AGRICULTURE IN 1917–1939s

Keywords: People's Commissariat for Agriculture of the RSFSR / USSR (Narkomzem); nature management; Soviet pre-war village; socio-natural problems; Environmental History of Russia.

The purpose of the article is to study the socio-natural aspects of nature management in the agrarian policy of the People's Commissariat for Agriculture of the RSFSR / USSR. By socio-natural aspects is understood the relationship of late agrarian society and the environment in the process of economic use of natural resources. The ecological aspects of the activities of the People's Commissariat for Agriculture have been the subject of special research for the first time. They allow us to trace the continuity in the state regulation of the issues of nature management with the preceding period, identify certain trends and matrices laid for further development. The ecological direction in the activities of this People's Commissariat in our present understanding did not exist then, but some of its elements were identified by us.

The sources of the study were the records of the funds of the Russian State Archive of Economics (RSAE) and the published materials of the activity of the Commissariat, in particular, the "Works of Zemplan", the printed organ of the Planning Commission. The results of the study are presented in chronological order with an indication of the problematic issues of discussion and activities of the People's Commissariat for Agriculture in the following periods: in 1917–1921, 1921–1929, 1930s. They correlate with the traditional periodization of the Russian history, which includes the stages of "War Communism", New Economic Policy and Collectivization.

The work of the department for the restoration of the country's rural, forestry and water economy destroyed in the military-revolutionary period, the discussion of the causes and consequences of the drought of 1920s, the specific measures to combat them were studied. The

central place in the article is given to the work of the Narkomzem' Planning Commission, which accumulated the human and intellectual potential of pre-revolutionary Russia. It is noted that due to the involvement of old agricultural specialists in the commissariat, the country's agriculture was restored, continuity in the policy of nature management was maintained. It is concluded that the Soviet party and political leadership represented by the central agricultural department clearly not only caught, but also deeply realized the scale of the socio-natural problems of the country's agriculture. Meliorative and agro-cultural measures of the Soviet Central Agrarian Department in most cases were a response to the periodically exacerbated ecological crisis in the agrarian sphere. At the same time, the Soviet authority pursued the goal of obtaining stable and abundant harvests. In the 1930s nature restoration was replaced by nature conquest, which fixed the consumer attitude to natural resources.

REFERENCES

1. Morozova, E.N. & Raskin, D.I. (2017) Stanovlenie sovetskoy gosudarstvennosti: ispol'zovanie imperskogo naslediya v sfere tsentral'nogo upravleniya [Formation of Soviet statehood: the use of the imperial heritage in central administration]. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 3. pp. 7–23.
2. Kulpin, E.S. (1996) *Bifurkatsiya Zapad-Vostok. Vvedenie v sotsioestestvennyuyu istoriyu* [West-East Bifurcation. An Introduction to Social History]. Moscow: Mosk. Litsey.
3. Tsintsadze, N.S. (2018) Environmental aspects of agrarian policy of the Russian Empire in 1861–1917s. *Klio*. 3. pp. 60–69. (In Russian).
4. Knipovich, B.N. (1920) *Ocherk deyatel'nosti Narkomzema za tri goda (1917–1920)* [Essay on the activities of the People's Commissariat for Land for three years (1917–1920)]. Moscow: Gos. izd.
5. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 9. File 1149.
6. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 9. File 1540.
7. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 2. File 30.
8. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 2. File 134.
9. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 2. File 759.
10. Tsintsadze, N.S. (2016) Sotsioestestvennyye problemy pozdnego agrarnogo obshchestva Evropeyskoy chasti RSFSR v vospriyatii partiynopoliticheskogo rukovodstva strany 1920–30-kh gg. [Socio-natural problems of the late agrarian society of the European part of the RSFSR in the perception of the party-political leadership of the country in the 1920s – 30s]. In: Kovaleva N.O., Kostovska, S.K. & Borisova, E.A. (eds) *Priroda i obshchestvo: tekhnologii obespecheniya prodovol'stvennoy i ekologicheskoy bezopasnosti* [Nature and Society: Technologies for Ensuring Food and Environmental Security]. Vol. XL. Moscow: MAKS Press. pp. 140–149.
11. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 2. File 195.
12. Zemplan. (1924) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 1. Moscow: Novaya derevnya.
13. Zemplan. (1924) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 6. Moscow: Novaya derevnya.
14. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 7. File 3384.
15. Malygina, N.M. (2007) [On instructions from Moscow: Andrey Platonov – organizer of public reclamation works in Voronezh province in 1924–1925]. *Moskva i "moskovskiy tekst" v russkoy literature XX veka* [Moscow and the "Moscow text" in Russian literature of the 20th century]. Proc. of the International Conference. Moscow, November 15–17, 2007. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 4–13. (In Russian).
16. Knipovich, B.N. (1923) *Glavnye cherty sel'skokhozyaystvennoy evolyutsii Evropeyskoy Rossii v 1916–1921 gg.: materialy k planu Narodnogo komissariata zemledeliya na 1923 g.* [The main features of the agricultural evolution of European Russia in 1916–1921: materials to the plan of the People's Commissariat of Agriculture for 1923]. Vol. 1. Moscow: Novaya derevnya.
17. Zemplan. (1924) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 2(2). Moscow: Novaya derevnya.
18. Zemplan. (1926) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 7(1). Moscow: Novaya derevnya.
19. Zemplan. (1924) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 8. Moscow: Novaya derevnya.
20. Tarasenko, V.P. (1972) *Dinamika lesistosti i porodnogo sostava lesov Evropeyskoy chasti SSSR i lesovosstanovlenie* [Dynamics of forest cover and species composition of forests in the European part of the USSR and reforestation]. Moscow: Tip. TsBNTIleskhozha.
21. Zemplan. (1925) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 9. Moscow: Novaya derevnya.
22. Zemplan. (1924) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 10. Moscow: Novaya derevnya.
23. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 2. File 3504.
24. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 5. File 3488. Vols. 1, 2.
25. Zemplan. (1927) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 11. Moscow: Novaya derevnya.
26. Zemplan. (1929) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 16(1). Moscow: Novaya derevnya.
27. Zemplan. (1930) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 17. Moscow: Novaya derevnya.
28. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 7486. List 19. File 112.
29. Dedov, I., Peskarev, A. & Golentovskaya, A. (1933) *Osnovnye voprosy vvedeniya sevooborotov v zernovykh kolkhozakh* [The main issues of the introduction of crop rotations in grain collective farms]. Voronezh: Kommuna.
30. Ilinykh, V.A. (2016) The star and death of Siberian grassland farming. *Krest'yanovedenie – Russian Peasant Studies*. 1(1). pp. 93–121. (In Russian). DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-93-121
31. Elina, O.Yu. (1997) Sel'skokhozyaystvennyye opytne stantsii v nachale 1920-kh gg.: sovetskii variant reformy [Agricultural experimental stations in the early 1920s: the Soviet version of the reform]. In: Kolchinsky, E.I. (ed.) *Na perelome: sovetskaya biologiya v 20–30-kh godakh* [At the turning point: Soviet biology in the 1920-30s]. St. Petersburg: RAS. pp. 27–85.